

С. Ю. ИВАНОВА,

заведующая кафедрой социальной философии и этнологии
Ставропольского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные мировые тенденции развития культуры характеризуются прежде всего тем, что расширение транснациональных экономических связей и коммуникаций резко ускорило превращение планеты в «глобальную деревню».

Одно из центральных мест в философском осмыслении процесса глобализации займут, видимо, вопросы, касающиеся идентичности, политического будущего и возможных траекторий развития национальных государств. Что может составить социальную и культурную базу новых направлений развития, какие перспективы коллективного будущего могут быть предложены и приняты? Как отдельная личность определяется в новую эпоху? Какие изменения приносит глобализация в культуру, в идеологию, в традиционные системы ценностей? Как, не потеряв себя, свою идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобализирующемся мире?

Глобальная циркуляция идей демократизации, культурной образности очевидна и проявляется в форме политических институтов и идеологий, социальных подразделений, культурных ценностей. Конфликт между глобальным и локальным составляет истинную сущность жизни в начале нового века. Но что означают эти термины, какое отношение они имеют к суверенитету и развитию наций и национальных государств, к жизни отдельно-го человека?

Само понятие «глобализация» все более приобретает черты философской категории, обозначает всеобщие свойства и тенденции современного исторического процесса, нового взаимосвязанного, единого и взаимосвязанного мира. К настоящему времени не сложилось единой теории глобализации, а есть ряд параллельных концепций с приблизительно одинаковой ориентацией.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализации), готовности к употреблению (оперантности), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, упакованности в яркие символические формы, виртуализации культурных образов (создании виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Глобализация, приводящая к возникновению многочисленных сообществ на локальном уровне, стимулирует всемирные связи этих сообществ по горизонтали. Такие сообщества, строящиеся по единству и близости интересов их участников, связываются друг с другом подобно ячейкам сети. Сетевые связи становятся самодостаточными, причем «сети» возникают на всех уровнях, что приводит к

резкому снижению вертикальных процессов в политике, экономике и культуре.

Мирогражданство — большая тема, обсуждавшаяся в течение двух тысячелетий, начиная со стоиков, и получившая новый резонанс в последние годы. Но на этом основании противопоставление суверенности стран и прав человека вряд ли оправданно. Полнота жизни человека во многом проистекает из его одновременной принадлежности национальному государству в качестве подданного и гражданскому обществу в качестве частного лица. В силу этого актуален для исследователей ряд вопросов, касающихся глобализации культуры и ее влияния на национальную культуру и самобытность.

В таких метафорах, как американизация, «макдональдизация», просвечивает беспокойство о распространении массовой культуры, защите интересов потребителя и путях решения проблем, с которыми сталкиваются традиционные культурные модели. Современная культурная озабоченность по поводу глобальной гомогенизации была порождена полемикой о способности «Американской империи» манипулировать общественным мнением.

Реакция на культурную гомогенизацию приняла различные формы, включая разные попытки урегулирования информационного мира: например, наложить запрет на использование спутниковых тарелок в части Среднего Востока, включая Исламскую Республику Иран, или европейской законодательство о контроле за трансляцией ряда зарубежных телевизионных программ. Есть, однако, свидетельства того, что местная культурная продукция предпочитается транснациональной в тех случаях, если она доступна, и что внутреннее производство — лучшее средство против глобального потребления.

Исследователи культуры уделяют все больше и больше времени поиску форм гибридизации, очевидно проявляющейся в новых местах культурного производства, в популярных культурных жанрах (азиатская поп-музыка, латиноамериканские сериалы, кино стран «третьего» мира и т. п.), в личных впечатлениях и народных сказках разного культурного и диаспорного происхождения. Постоянный конфликт между гомогенизацией и гетерогенизацией делает формирование культурной самобытности и одной из ключевых проблем глобализации.

При первом взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Однако в который раз подтверждается, что реальное осуществление некогда желанных целей час-

то порождает проблем больше, чем решает. Превращение человечества в целое амбивалентно для его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия, — деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Это феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их субстратной гетерогенности. На содержательном языке об этом говорили как об интернационализации. В дальнейшем, при отсутствии противонаправленных усилий, процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми и вся система — гомогенной. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее говорить о глобализме. Мир давно, по крайней мере с Нового времени, был единым, но как комплекс, теперь он переходит в органическое состояние.

В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Своеобразие народов уходит в историю, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно — человек неизбежно попадает в окружение изоцирено одинаковых автомобилей, зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций. Многообразие, до противоположности пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование.

Формирующийся одинаковый образ жизни — это не равновесное смещение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской, культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы,

стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгой». Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

Глобализм — это универсальный технологизм. Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор развития технологий. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционное, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «-изм» — выражение перехода к жизни без оценки поступков с позиции добра и зла, прекрасного и безобразного. Образуется общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX в.

Утверждениям о глобализме как стирании культурных различий и движении к посткультурной технической цивилизации противостоят широко распространенные представления о плюралистическом характере нашего

времени и наступлении эры мультикультурализма, апофеозом которого считают возникновение «индивидуальной культуры». Думается, что это противоречие поверхностное.

В безудержной плюрализации, раздроблении культуры на дисперсные частицы как раз и выражается ее распад, превращение в материал «для другого». Индивидуальная культура, когда у каждого есть собственные понятия о добром или должном, персональная совесть, которая, естественно, всегда оправдывает свою персону, обесмысливает ее социальные функции, ведя тем самым к исчезновению, что невольно признают сторонники мультикультурализма.

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если в необходимости защиты природы многие отдают себе отчет, и что-то предпринимают, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узкоэмпирическом смысле как о бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности, от чего надо защищать культуру, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской культуры «стираются» даже контуры этого культурного разнообразия, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать.